

были погребены Андроник I Гид (1235 г.), Иоанн II (1297 г.), жена Алексея IV Феодора Кантакузина (1426 г.) и у храма сам Алексей IV (1429 г.). В церкви Богородицы Влахернитиссы в г. Триполи (ныне не сохранившейся) находились, вероятно, даже скульптурные портреты (или рельефы) императора Иоанна II и его супруги Евдокии Палеологини.

Сейчас об искусстве императорского портрета мы можем судить по миниатюрам, сохранившим образы Алексея III и его жены Феодоры в двух хрисовулах — монастырю Сумела (1364 г.) и Дионисиату (1374 г.). В этих изображениях, относящихся к типу «служебного» императорского портрета, где василевс представлен как учредитель, художник несомненно стремился к передаче портретного сходства. Императорская чета стоит на красном суппедионе. Василевс облачен в темный скарамангий и золотой лор, который, как и стемма с пропендулиями, обильно украшен драгоценными камнями. Красная одежда императрицы с широкими рукавами расшита золотыми двуглавыми орлами. На груди она скреплена круглой фибулой. Лица тщательно выписаны. Над головой василевсов не золотые, как обычно, а красные нимбы. Другой портрет трапезундского императора (вероятно, Алексея II) имеется в уникальной иллюминированной рукописи романа об Александре, принадлежащей Греческому институту византийских и поствизантийских исследований в Венеции. Рукопись была создана в XIV в. по заказу Алексея II. Император представлен стоящим на подиуме, в скарамангии и лоре, в венце, со сферой в руке. Традиционный портрет {94} государя-заказчика рукописи — не лишен индивидуальных черт и выполнен рукой опытного мастера¹².

Произведения монументальной живописи в Трапезунде создавались на темы местной истории, прославляли местную династию. Эти же черты проявлялись и в трапезундской литературе, где сложилась самостоятельная историческая школа. Ее известнейшим представителем был автор «Трапезундской хроники» Михаил Панарет (ок. 1320/30—после 1386).

Хроника Панарета — единственный, притом отличающийся большой достоверностью, источник, излагающий систематически историю Трапезундской империи с 1204 г. до конца XIV в. Всю историю государства Панарет связывал с правлением Великих Комнинов, что нашло отражение и в самом названии хроники: «О трапезундских императорах Великих Комнинах, как и когда и сколько каждый из них правил». Содержание произведения шире названия, но и оно отражает официальную версию истории Понта. Не случайно Панарет начинает свое повествование с образования империи в 1204 г. и не приводит сведений о партикуляристских движениях XI—XII вв. и правлении Гавров, первый из которых, Феодор, мученически погибший в борьбе с сельджуками в 1098 г., был причислен к лику святых.

Панарет был тесно связан с придворными кругами и получил высокие титулы протосеваста и протонотария. Он — уроженец Трапезунда. Об этом свидетельствует и прекрасное знание географии района, и язык хроники, чуждый аттицизирующего пуризма и допускающий местные, понтийские слова и термины. О роде Панаретов в Трапезунде мы не имеем, однако, почти никаких сведений. Лишь в конце XIV в. упоминается великий эконом трапезундской митрополии и патриарший экзарх в Трапезунде Феодор Панарет, но о его родственных связях с автором хроники мы не знаем (ММ. II. P. 154—155). Во всяком случае, Панарет не принадлежал к членам крупнейших феодальных семейств. То, что известно о его карьере, позволяет причислить его к среде столичного чиновничества. Панарет участвует вместе с императорами в походах против мятежных архонтов или туркменов (в 1351, 1355, 1356 и 1367 гг.), состоит в императорской свите и сопровождает Алексея III в поездках для ведения переговоров с соседними грузинскими и тюркскими правителями (в 1361, 1363, 1367, 1372, 1377 и 1379 гг.). В 1363 г. вместе с великим логофетом Георгием Схоларием и в 1368 г. самостоятельно Панарет отправляется с дипломатическими миссиями в Константинополь.

Хроника Панарета немногословна, особенно в своей первой части, примерно до начала XIV в., но содержащиеся в ней сведения тщательно отобраны и расположены в строгой хронологической последовательности. Хроника лишена всяких риторических красот, напоминая по лаконичности сухой стиль анналов. Но от византийских «малых» хроник ее отличает все же более подробное изложение событий, более определенная социальная позиция, наконец, нали-

¹² *Spatharakis I.* The Portrait in byzantine illuminated manuscripts. Leiden, 1976. P. 185—187; *Xyngopoulos A.* Les miniatures du roman d'Alexandre le Grand dans le codex de l'Institut Hellénique de Venise. Athènes; Venise, 1966; *Gallagher L.* The Alexander Romance in the Hellenic Institute at Venice. Some notes on the Initial miniature // *The saurismata.* 1979. T. 16. P. 170—205.